e-ISSN 3060-5059
DOI: 10.67227

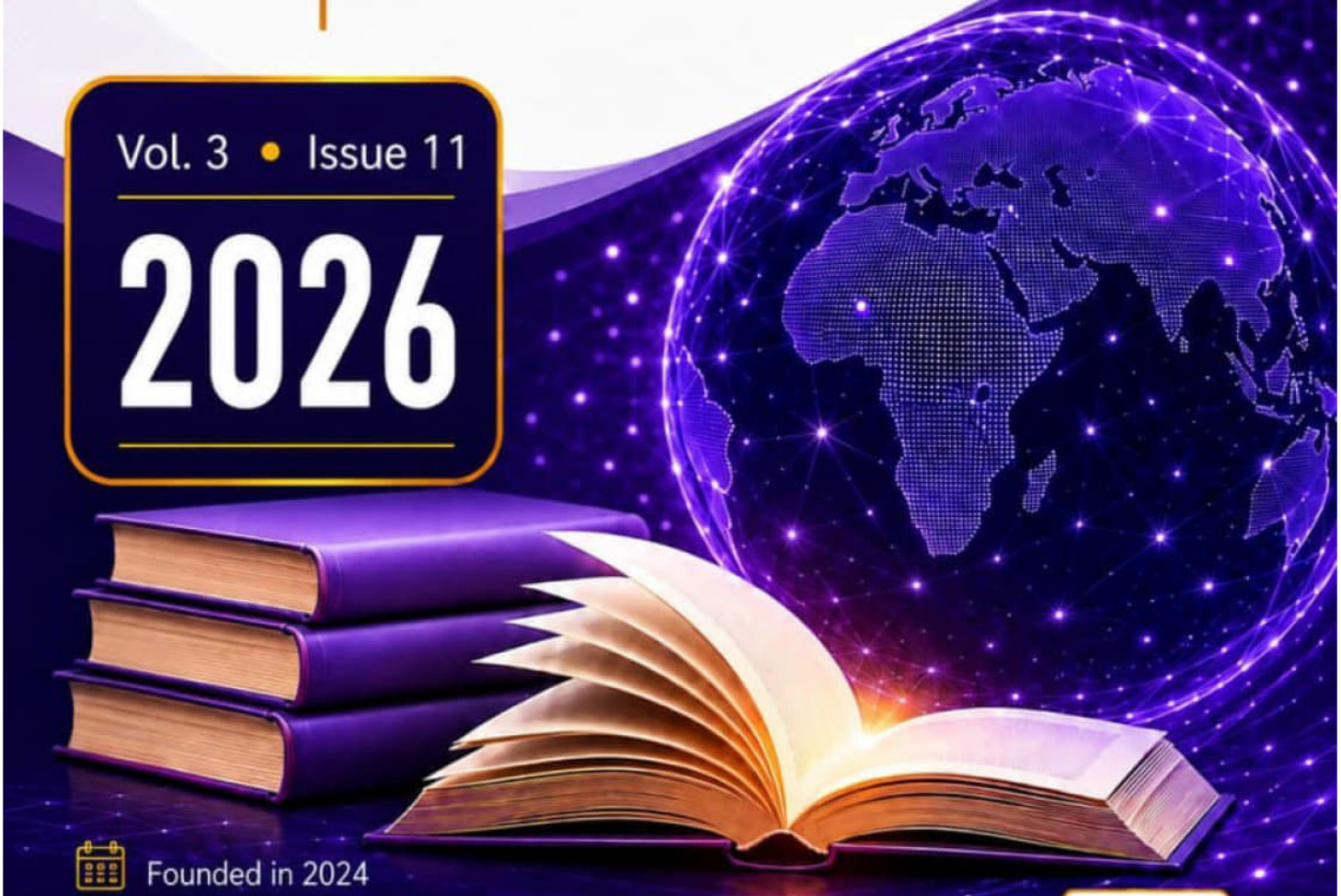
IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 11

2026

Founded in 2024

publishscience.uz | publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

ISSN 3060-5059 (Online)
Article / Original paper https://doi.org/10.67227/33fx3a27

1950–1980-YILLARDA BUXORODA ISLOM MEROSINI SAQLASHDA AYOLLARNING O‘RNI: GENDER JIHATI VA MADANIY XOTIRA

Karimov Suxrob Yusupovich
Osiyo xalqaro universiteti, o‘qituvchi.
e-mail: suxrobkarimov97@gmail.com

Annotatsiya.
Ushbu maqolada 1950–1980-yillarda Buxoroda sovet hokimiyati tomonidan olib borilgan majburiy sekulyarizatsiya siyosati sharoitida islomiy merosni saqlab qolishda ayollarning o‘rni tahlil qilinadi. «Otin-oyi» instituti, oilaviy marosimlar va ziyorat amaliyotlari orqali diniy bilimlarni avloddan avlodga uzatish mexanizmlari hamda norasmiy islomning yashirin (latent) funksiyalari ilmiy jihatdan asoslab beriladi.
Kalit so‘zlar: Buxoro, otin-oyi, norasmiy islom, majburiy sekulyarizatsiya, madaniy xotira, ijtimoiy rollar, oilaviy marosimlar, ziyorat.

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СОХРАНЕНИИ ИСЛАМСКОГО НАСЛЕДИЯ В БУХАРЕ В 1950–1980-Е ГОДЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Каримов Сухроб Юсупович
Азиатский международный университет, преподаватель.

Аннотация.
В статье анализируется роль женщин в сохранении исламского наследия в Бухаре в 1950–1980-е годы в условиях политики принудительной секуляризации, проводимой советской властью. Рассматриваются механизмы передачи религиозных знаний из поколения в поколение посредством института «отин-ойи», семейных обрядов и практик паломничества, а также научно обосновываются латентные функции неофициального ислама.
Ключевые слова: Бухара, отин-ойи, неофициальный ислам, принудительная секуляризация, культурная память, социальные роли, семейные обряды, паломничество.

THE ROLE OF WOMEN IN PRESERVING ISLAMIC HERITAGE IN BUKHARA DURING THE 1950s–1980s: GENDER PERSPECTIVES AND CULTURAL MEMORY

Karimov Suxrob Yusupovich
Asia International University, Lecturer.

Abstract.
This article examines the role of women in preserving Islamic heritage in Bukhara during the 1950s–1980s under the Soviet policy of forced secularization. It explores the mechanisms of transmitting religious knowledge across generations through the otin-oyi institution, family rituals, and pilgrimage practices. The study also provides a scholarly examination of the latent functions of unofficial Islam in maintaining religious traditions and cultural memory.
Keywords: Bukhara, otin-oyi, unofficial Islam, forced secularization, cultural memory, social roles, family rituals, pilgrimage.

Введение. Исследование религиозной жизни Бухары в 1950–1980-е годы представляет собой актуальную научную проблему в контексте современной историографии Центральной Азии. После Второй мировой войны, на фоне нормализации государственно-конфессиональных отношений в СССР и учреждения Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) в 1943 году, в регионе сложилась сложная институциональная конфигурация. С одной стороны, функционировал жёстко контролируемый советским аппаратом и Советом по делам религиозных культов (СДРК) легальный сектор, представленный в Бухаре открытым в 1945 году медресе «Мир-Араб» и отдельными мечетями; с другой — существовал разветвлённый неформальный («параллельный») ислам.

Традиционная историография долгое время концентрировалась на макроисторическом и институциональном уровнях, анализируя преимущественно мужскую религиозную иерархию (муфтиев, имамов, казиев). Однако тотальный надзор спецслужб за публичным пространством мечетей привёл к тому, что сохранение религиозной идентичности в значительной степени переместилось в глубь традиционного социума — в махаллю и приватное пространство двора («ховли»). В этих условиях именно женщины стали ключевыми субъектами сохранения и передачи исламского наследия. Цель данной статьи — раскрыть социальные, образовательные и ритуальные механизмы деятельности женщин Бухары, прежде всего через институт отин-ойи, по сохранению исламских традиций в 1950–1980-е годы.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на синтез современных концепций социологии религии, микроистории и теории памяти. Для анализа разделения религиозной сферы на официальный и теневой

ISSN 3060-5059 (Online)

секторы применяется структурно-функциональный анализ Т. Парсонса и Р. Мертона, дополненный теорией секуляризации П. Бергера и Т. Лукмана. Классическая западная социология рассматривала секуляризацию как естественный эволюционный процесс вытеснения религии в частную сферу по мере модернизации общества [1; с. 123–145], [2; с. 81–83]. Однако применительно к советской Бухаре данная модель корректируется концепцией «форсированной (принудительной) секуляризации», при которой религия вытеснялась в приватное пространство не добровольно, а под воздействием репрессивного аппарата государства [3; с. 45–48].

Поведение горожан и социальная мимикрия анализируются сквозь призму драматургического подхода И. Гофмана, разделяющего социальное действие на публичный «передний план» (front stage) и защищённые «кулисы» (backstage) [4; с. 35–42], а также теории габитуса П. Бурдье [5; с. 55–60]. В условиях, когда публичная сфера требовала демонстрации советской лояльности, закрытый махаллинский двор выполнял роль «кулис», где сохранялся традиционный габитус Homo Islamicus.

Микроисторический ракурс исследования базируется на трудах К. Гинзбурга и Дж. Леви, согласно которым изменение масштаба наблюдения позволяет обнаружить скрытые социальные механизмы посредством анализа отдельных случаев и локальных сообществ [6; с. 11–15], [7; с. 50–56]. В качестве герменевтического инструмента интерпретации советских цензурированных архивов привлекаются идеи П. Рикёра о преодолении дистанции и конфликте интерпретаций текста [8; с. 33–40].

Особое методологическое значение имеют гендерная оптика и концепции культурной и социальной памяти М. Хальбвакса и Я. Ассмана [9; с. 127–132], [10; с. 50–64]. Согласно М. Хальбваксу, индивидуальная память всегда структурирована социальными рамками (семьёй, общиной) [9; с. 128–130]. Для Бухары семья и махалля выступали основой «контрпамяти», в рамках которой, в противовес официальному секулярному нарративу, сохранялась сакральная генеалогия родов, а коммуникативная память старшего поколения формировала религиозную идентичность молодёжи [10; с. 52–58].

Источниковая база работы включает опубликованные архивные материалы органов СДРК и САДУМ, этнографические исследования советского периода (О. А. Сухарева [11; с. 82], И. Джаббаров [12; с. 200–208]), современные зарубежные монографии Э. Тасара [13; с. 20–21], Х. Фатхи [14; с. 25–30] и С. Дюдоньона [15; с. 951–957], а также мемуарные эго-документы (воспоминания Аъзама Хашими ат-Туркистани [16; с. 61–74]).

ОБСУЖДЕНИЕ

В историографии советского востоковедения долгое время господствовал тезис о том, что советская модернизация, начавшаяся с масштабной кампании «Худжум» в конце 1920-х годов, привела к полному раскрепощению женщин Востока и их автоматической секуляризации [12; с. 200–205]. Государственная пресса и партийная литература изображали новую горожанку преимущественно в контексте работы на хлопковых полях, ткацких фабриках или участия в заседаниях профкома. Однако современные ревизионистские исследования подвергают пересмотру этот упрощённый нарратив, показывая, что проект тотальной трансформации традиционного общества столкнулся с многоуровневыми механизмами адаптации. Столкнувшись с жёсткими репрессиями и публичным унижением религиозных авторитетов, о которых свидетельствуют очевидцы тех лет [16; с. 62–63], традиционный социум перешёл к защитным стратегиям, переместив религиозную жизнь за высокие глинобитные стены махаллинских дворов.

Как показывает Э. Тасар, советское государство, стремясь регламентировать ислам через институт муфтията САДУМ и систему строгой регистрации мечетей, невольно создало институциональную ловушку [13; с. 20–21]. Легальные мечети, находившиеся под постоянным надзором уполномоченных СДРК и спецслужб, превратились в преимущественно мужское и строго контролируемое пространство, доступ женщин в которое был фактически закрыт [13; с. 20]. В результате возникла автономная женская религиозная сфера, остававшаяся практически невидимой для государственных органов. Оказавшись вытесненными из публичного пространства, горожанки не отказались от веры, а заняли ведущие позиции в сфере повседневной семейной религиозности, где главным авторитетом и носителем религиозных знаний стала отин-ойи (женщина-наставница) [13; с. 20–21].

Стефан Дюдоньон в своём анализе трудов Хабибы Фатхи указывает на ошибочность колониального и раннесоветского стереотипа, жёстко противопоставлявшего «высокий книжный» мужской ислам «примитивному суеверному» женскому [15; с. 952–953]. Женская религиозная практика в Бухаре не сводилась исключительно к магии или фольклорным предрассудкам. Она опиралась на развитую текстовую традицию: отин-ойи не только руководили обрядами жизненного цикла, но и тайно обучали девочек арабской графике, читали классические суфийские произведения на староузбекском и таджикском языках, обращались к сложным рукописным трактатам, таким как «Шамс аль-маариф» [15; с. 952]. Более того, в эпоху брежневского «застоя» многие из этих наставниц использовали полученное ими советское светское образование для систематизации тайных религиозных занятий, превращая академические знания в инструмент сохранения веры [14; с. 131].

Таким образом, исследовательский акцент в современной науке закономерно смещается. На первый план выходит не столько вопрос о том, почему религия не исчезла под давлением государственной атеистической политики, сколько проблема выявления социальных механизмов и неформальных институтов, обеспечивших её сохранение в условиях государственного контроля. В этой системе сохранения религиозной традиции скрытые формы женского лидерства и передачи сакрального знания и культурной памяти сыграли одну из ключевых ролей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённое исследование, основанное на анализе материалов официального советского делопроизводства, документов и источников устной истории, позволяет выделить три ключевых направления, в

рамках которых бухарские женщины сохраняли исламское наследие в 1950–1980-е годы.

1. Институт отин-ойи как основа скрытого религиозного образования. Массовое закрытие конфессиональных школ и репрессии в отношении мужского духовенства, зафиксированные в отчётах государственных органов довоенного периода, привели к тому, что передача сакрального знания продолжилась преимущественно в подпольных условиях. Анализ официальных отчётов уполномоченных Совета по делам религиозных культов (СДРК) по Бухарской области показывает, что государственные архивы фиксировали главным образом легальную деятельность мечетей и медресе «Мир-Араб», тогда как повседневная религиозная жизнь махалли оставалась недостаточно отражённой в официальной документации [17; O‘zMA. Фонд P-2456, оп. 1, д. 91, л. 3].

Именно поэтому методы устной истории (oral history) приобретают особое значение: они позволяют установить, что важную образовательную миссию взяли на себя женщины-наставницы (отин-ойи). Сформировав автономную религиозную сферу, закрытую для мужчин [1; с. 20–21], они организовали в старобухарских махаллях (Хаузи Нав, Чор-Бакр, Гозиён) тайные домашние худжры. Наставницы обучали детей арабской графике и основам шариата, выступая авторитетными представителями общины [1; с. 20]. Во второй половине XX века этот институт продемонстрировал своеобразный культурный синтез: многие отин-ойи использовали полученное ими светское педагогическое образование для систематизации тайного обучения [2; с. 131], опираясь при этом на классические рукописные тексты, бережно сохранённые в домашних библиотеках [3; с. 952].

2. Сохранение семейной обрядности и социальная мимикрия. В условиях форсированной секуляризации религиозные традиции продолжали сохраняться в семейном быту. Женщины выступали основными хранительницами обрядов жизненного цикла: суннат-туй, никах, джаназа, а также ритуалов очищения (чилла) [2; с. 178–179]. Изучение архивных справок партийных комитетов Бухары о «борьбе с религиозными пережитками» [18; РГАСПИ. Ф. 17, оп. 92, д. 702, л. 1, 26–27] показывает, что государственные органы постоянно сталкивались с сопротивлением населения.

Для обхода надзора горожане применяли стратегию социальной маскировки, которую можно интерпретировать с помощью драматургического подхода И. Гофмана. Публично, на «переднем плане», проводились комсомольские свадьбы, однако за закрытыми дверями дома («за кулисами») совершался тайный никах [4; с. 61–74]. Отказ от традиционного погребального обряда джаназа встречал сопротивление женщин махалли, которые могли угрожать нарушителям полным социальным остракизмом. Таким образом, официальные архивные сообщения об успехах атеистического воспитания контрастировали с повседневной религиозной практикой, сохранявшейся внутри традиционного двора (ховли).

3. Зиярат к мазарам как форма воспроизводства культурной памяти. Архивные документы периода хрущёвской антирелигиозной кампании (1959–1964 гг.) содержат многочисленные постановления о закрытии мазаров и передаче их для хозяйственного использования. Однако традиция паломничества не прервалась. Отин-ойи организовывали женские группы паломниц к святыням Бухарского оазиса — комплексу Бахауддина Накшбанда, некрополю Чор-Бакр, мазарам Етти пир.

Посещение мазаров представляло собой акт непосредственного приобщения к сакральной топографии («мнемотопу», в контексте теории социальной памяти М. Хальбвакса) [5; с. 63–65]. В условиях, когда советский режим формировал новую секулярную память, зиярат служил важным механизмом «контрпамяти». Он укреплял неформальный женский авторитет и поддерживал межпоколенческие связи вопреки официальной пропаганде. Как свидетельствуют эго-документы эмигрантских авторов, глубокое уважение к сакральным пространствам оставалось важным маркером религиозной и культурной идентичности бухарцев даже в условиях жёстких репрессий [6; с. 41–45].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1950–1980-е годы в Бухаре под воздействием форсированной секуляризации и идеологической политики советского государства произошла глубокая структурная трансформация исламской традиции. В условиях ограничения традиционной публичной инфраструктуры и институционального дуализма религиозная жизнь региона приобрела выраженный скрытый характер, а роль женщин в сохранении религиозных практик существенно возросла. В то время как официальный сектор ислама находился под государственным контролем и был бюрократизирован через аппарат САДУМ, именно женщины во главе с неформальным институтом отин-ойи обеспечивали сохранение важнейших элементов духовной культуры.

Вытесненные из контролируемого государством публичного пространства, бухарские женщины превратили закрытое пространство махалли и традиционного двора (ховли) в среду передачи религиозных знаний. Они взяли на себя значительную часть образовательных функций, сформировав сеть тайных домашних мактабов, и обеспечили преемственность ключевых обрядовых практик (суннат-туй, никах, джаназа) посредством механизмов социальной адаптации и мимикрии. Одновременно с этим, организуя паломничества к мазарам и святыням оазиса, женщины поддерживали сакральную географию Бухары. Зиярат в данном контексте представлял собой не только ритуальную практику, но и важный инструмент сохранения коллективной памяти, противопоставленной официальному секулярному нарративу.

Применение гендерного подхода в сочетании с социологией пространства и теорией культурной памяти позволяет сделать вывод о том, что традиционная семья и авторитет женщины-наставницы стали важнейшими механизмами сохранения исламской культурной идентичности Бухары в эпоху государственного атеизма. Феномен бухарского «параллельного» ислама показывает, что религиозная традиция в рассматриваемый период не была исключительно пассивным пережитком, постепенно вытесняемым из общественной жизни. Напротив,

ISSN 3060-5059 (Online)

благодаря скрытым формам женского лидерства традиционное общество выработало гибкие стратегии адаптации к государственному давлению, сохранило элементы внутренней культурной автономии и обеспечило межпоколенческую передачу религиозного габитуса Homo Islamicus.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.

2. Luckmann T. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. – London; New York: Routledge, 2022. – 134 p.

3. Смолкин В. Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.

4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. – Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 304 с.

5. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова и др. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 562 с.

6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 272 с.

7. Кононова Е. Е. Микроистория как метод: сопоставление интернациональных исследовательских традиций // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 50–56.

8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. – Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с.

9. Сабанчеев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (28). – С. 127–132.

10. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

11. Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. – Ташкент: Издательство АН УзССР, 1960. – 86 с.

12. Джаббаров И. Общественный прогресс, быт и религия (социально-философское исследование на материалах Узбекской ССР). – Ташкент: Узбекистан, 1973. – 214 с.

13. Tasar E. Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. – New York: Oxford University Press, 2017. – 432 p.

14. Fathi H. Femmes d'autorité dans l'Asie centrale contemporaine. Quête des ancêtres et recompositions identitaires dans l'islam postsoviétique. – Paris: Maisonneuve & Larose; IFEAC, 2004. – 348 p.

15. Dudoignon S. A. Habiba Fathi, Femmes d'autorité dans l'Asie centrale contemporaine [Compte rendu] // Cahiers du monde russe. – 2006. – Vol. 47, № 4. – P. 951–957.

16. الهاشمي، التركستاني أعظم هاشمي. وسمرقند بخارى في دامية أيام / التركستاني هاشمي أعظم ؛ ترجمه من الأردية أ. شودهري ؛ راجعه كفاية الله الهاشمي. – موسكو: مركز الإعلام والدراسات العربية – الروسية، 2025. – 193 ص. [Ат-Туркистани А. Х. Кровавые дни в Бухаре и Самарканде. – Эр-Рияд; Москва: CIARS, 2025. – 193 с.].

17. O‘zbekiston Milliy arxivi (O‘zMA). – R-2456-fond, 1-ro‘yxat, 91-yig‘majild, 3-varaq.

18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 92. – Д. 702. – Л. 1, 26–27.